

Т. А. Богданова

**«У ТРОИЦЫ В АКАДЕМИИ...»:
Н. Н. ГЛУБОКОВСКИЙ — ИСТОРИК
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Статья посвящена сборнику, подготовленному к изданию профессором Н. Н. Глубоковским весной 1917 г.: «Московская духовная академия в 1854–1870, 1883 и 1886–1887 гг. по переписке проф. В. Н. Потапова († 1890, II, 5)» и доньше не изданному. Основу сборника составили письма профессора МДА по кафедре истории философии В. Н. Потапова к его отцу протоиерею Н. И. Потапову (выпускнику МДА 1818 г.). В сборник вошли также письма к В. Н. Потапову его сослуживцев и учеников по МДА — Д. Ф. Голубинского (1856–1887 гг.), А. Л. Катанского (1868–1870 гг.), П. М. Хупотского (1864–1869 гг.), И. А. Кратирова (1870–1883 гг.; в монашестве Иоанн, епископ Саратовский), о. П. Л. Лосева (1870 г.; в монашестве Петр, епископ Пермский). Публикуются предисловие Н. Н. Глубоковского ко всему сборнику и четыре письма к В. Н. Потапову А. Л. Катанского, в 1863–1867 гг. бакалавра МДА, затем профессора СПбДА по кафедре догматического богословия, и два письма А. Л. Катанского Н. Н. Глубоковскому (1913 г.)

Ключевые слова: *Московская духовная академия, Санкт-Петербургская духовная академия, академическая корпорация, академический устав 1869 г., Н. Н. Глубоковский, А. Л. Катанский, В. Н. Потапов, прот. Н. И. Потапов, К. М. Попов.*

Каждая из четырех духовных академий, существовавших в России до Октябрьского переворота, имела свой определенный характер. По словам Н. Н. Глубоковского, Московская находилась «под духовным водительством преподобного Сергия, помещаясь на подворье его имени»¹. Отличительной чертой МДА была преданность ее профессоров идеалам чистой науки: «Научная жизнь здесь довлеет себе и не считается

¹ *Глубоковский Н. Н.* Православный богословский институт в Париже и его международное значение // Церковный вестник западно-европейских епархий (Париж). 1929. № 2. С. 21.

ни с личной выгодой, ни с карьерой, ни даже с опасностями колебания установившихся мнений и авторитетов. А. В. Горский, Ф. Голубинский, Е. Е. Голубинский, В. О. Ключевский — это не просто ученые имена, это не просто представители богословского, философского и исторического исследования, — это уже некоторые символы настоящей, подлинной академической науки. Всю жизнь отдать для науки и ни разу не отречься от нее даже при угрозах и явных опасностях для личного благополучия, — вот общая черта этих имен, воспитавших ряды питомцев-наставников духовных школ. [...] Спросят при чем же здесь Сергиева лавра? Думаю, что от нее идет та, выражаясь аскетическим термином “самособранность” и то отсутствие “самосожаления”, которые так отличают ученых этой академии. И вместе с тем равнодушие к злобе дня и к шкурным интересам. [...] Эта бесшумная работа мысли есть продолжение того же горения, которое затеплил в Радонежском лесу преподобный Сергий!»².

Вероятно, неслучайно именно здесь, под сенью обители подвижника с горы Маковец, в некоторой заброшенности «тоскливой провинциальной глуши» и оторванности корпорации от «общих церковно-государственных интересов» вследствие принудительного удерживания академии в «деревенском Посаде»³, столь успешно подвизались «удаленные от суеты больших городов и прикрепленные своей жизнью к маленькому посаду и к богатой местной академической библиотеке»⁴ виднейшие трудники русского академического богословствования.

Кроме того, за Московской академией долгие годы сохранялся несомненный приоритет в развитии церковно-исторической науки, как самостоятельной ученой дисциплины. Ректор МДА протоиерей А. В. Горский,

² *Никольский П.* «Ценз апостольский» // Церковный вестник. 1914. № 20, 15 мая. С. 591.

³ *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет (1884–1914 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 207, 211. Вопрос о переводе академии из Сергиева Посада в Москву был поднят в конце 1860-х годов при обсуждении нового академического устава и впоследствии не раз обсуждался (*П. Р.* К вопросу о перемещении Московской духовной академии из Сергиевой лавры в Москву // Московские церковные ведомости. 1893. № 9, 28 апреля. С. 129–130).

⁴ *Антоний [Храповицкий], митр.* Четыре академии. Белград, 1933. С. 15. По мнению митрополита Антония, «профессора Московской академии либо становились кабинетными учеными, следившими за наукой не только русской, но и иностранной, либо, напротив, усваивали все черты узко провинциального быта и в некоторой степени опрашивались [sic!]» (Там же).

по замечанию Н. Н. Глубоковского, «воспитал целую историческую школу, распространившуюся по всему простору русского богословского поля»⁵.

В стенах Московской духовной академии Николай Никанорович Глубоковский провел шесть лет, пять из них в качестве студента (1884–1889) и год (1889–1890) — на положении профессорского стипендиата по кафедре всеобщей церковной истории. В числе его учителей были: философ В. Д. Кудрявцев-Платонов, историки Е. Е. Голубинский, Н. И. Субботин, В. О. Ключевский, А. П. Лебедев, «профессор анахорет» Д. Ф. Голубинский⁶, профессор по кафедре греческого языка И. Н. Корсунский, которого современники называли «Плутархом наших дней»⁷. Каждый из них оставил яркий след в христианской науке. Именуя своих учителей подлинными «жрецами науки», Н. Н. Глубоковский подчеркивал, что «из ученого кабинета у них есть только три дороги — в храм, аудиторию и библиотеку»⁸.

В продолжение многих лет Николай Никанорович переписывался с профессором по кафедре Священного Писания Нового Завета М. Д. Муретовым⁹, профессором по кафедре русского и церковно-славянского языков членом-корреспондентом Императорской Академии наук Г. А. Воскресенским¹⁰, профессором по кафедре литургики и церковной археологии А. П. Голубцовым¹¹ и другими своими учителями. С благодарностью приняв от Е. Е. Голубинского два выпуска I-го тома его «Истории Русской Церкви», Н. Н. Глубоковский заметил: «Ваши труды были и будут для меня продолжением того благостного влияния, которое я воспринял от Вас в качестве студента Московской академии. Теперь я отчетливее ощущаю и яснее сознаю силу и важность этого влияния. Тайна его заключается в редкостном сочетании умственной мощи и нравственной энергии. [...] Здесь ум просвещает, нравственная энергия

⁵ Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 53.

⁶ Тычинин В. Н. Земной поклон. 1814–1914 // Полоцкие епархиальные ведомости. 1914. № 39, 30 сентября. С. 709.

⁷ Колосов Н. А., свящ. Профессор Московской духовной академии И. Н. Корсунский // Душеполезное чтение. 1900. Февраль. С. 349.

⁸ Глубоковский Н. Н. За тридцать лет (1884–1914 гг.). С. 210.

⁹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 630.

¹⁰ Там же. Д. 382.

¹¹ Там же. Д. 415.

сообщает этому свету *живительную* теплоту... Такое влияние лишено внешних эффектов, но оно единственно благотворно и неискоренимо, как и всецело христианское по достоинству... В Вашей аудитории все мы инстинктивно чувствовали эту обновляющую, облагораживающую (sic!) и одушевляющую мощь, которая побеждала умом, чтобы своим нравственным благоуханием привлекать на чистое служение истины... Я это не придумал после, а только опознал и осмыслил, причем Ваши печатные труды заменяли личное воздействие»¹².

Но наиболее сильное влияние оказал на Н. Н. Глубоковского профессор по кафедре общей церковной истории Алексей Петрович Лебедев († 14 июля 1908 г.). Николай Никанорович, по собственному признанию, ему обязан был «началом и всем направлением» своего «научного бытия»¹³. Он почитал Лебедева «великим подвижником», далее всех продвинувшимся «по пути к идеалу историка христианства», заметив, что этот «историк-мудрец», «историк-истолкователь», «ученый исповедник» «был и сам крупным элементом нашей истории»¹⁴. В очер-

¹² Письмо от 22 декабря 1902 г. (РГИА. Ф. 1628. Оп. 1. № 490. Л. 6–7 об.). Письма Н. Н. Глубоковского Е. Е. Голубинскому сохраняются также в архивном фонде Голубинского в НИОР РГБ (Ф. 541. Карт. 7. № 62). Письма Е. Е. Голубинского Н. Н. Глубоковскому: ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 414. Н. Н. Глубоковский писал о Е. Е. Голубинском в своем очерке «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (М., 2002. С. 80–88).

¹³ *Глубоковский Н. Н.* Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева (Под первым впечатлением тяжелой утраты). СПб., 1908. С. 30. Первоначально статья была опубликована в журнале «Странник». 1908. № 9. С. 275–305. Н. Н. Глубоковский посвятил А. П. Лебедеву несколько страниц книги «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (М., 2002. С. 56–60, 138–142). Многочисленные рецензии Н. Н. Глубоковского на работы Алексея Петровича печатались в «Московских ведомостях», «Московских церковных ведомостях», «Церковном вестнике» и иных изданиях. Последний раз А. П. Лебедев и Н. Н. Глубоковский встречались 5 мая 1891 г. во время магистерского коллоквиума Николая Никаноровича, а в последующие годы писали друг другу. Письма А. П. Лебедева Глубоковскому за 1892–1908 гг. см.: ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 568, 569. И. Д. Андреев, разбиравший архив Алексея Петровича, сообщал Н. Н. Глубоковскому, что незадолго до смерти А. П. Лебедев уничтожил почти все письма к себе, сохранив лишь письма лиц официальных, в частности митрополита Антония (Вадковского) (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 306. Л. 19 об.). Можно предположить, что были уничтожены и письма Н. Н. Глубоковского.

¹⁴ *Глубоковский Н. Н.* Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева (Под первым впечатлением тяжелой утраты). СПб., 1908. С. 18, 21, 29, 3.

«У Троицы в Академии...»: Н. Н. Глубоковский — историк...

Профессоръ А. Катанский

ке о А. П. Лебедеве Н. Н. Глубоковский наиболее полно изложил свои взгляды на методы и задачи церковной исторической науки, нарисовав определенный идеал историка-богослова, стремящегося увидеть «самую сердцевину» и «разум событий»¹⁵. Одну из самых драгоценных черт своего учителя он находил в «жизненной постановке» научной работы, склонной превращаться у многих «в сухую археологию» или «мертвую хронику»¹⁶. Н. Н. Глубоковский писал, что у А. П. Лебедева «минувшее не считалось исчезнувшим, но это есть момент продолжающегося бытия и потому имеет органическое право активно участвовать в нем»¹⁷. Потому, «поучаясь... на днях древних», «великий историк-богослов» откликнулся на все главнейшие запросы текущей церковной современности «с одушевлением и жаром самой живой заинтересованности, без археологической холодности антикварных справок, подобранных *ad hoc*»¹⁸. Н. Н. Глубоковский отмечал, что в А. П. Лебедеве «всегда жил только историк», стремившийся «говорить в качестве ученого, который слушает историю, а не подсказывает ей». Такое стремление исключало как «окаменелый консерватизм», так и «преднамеренный либерализм», и делало исследование чуждым «конфессиональной тенденциозности»¹⁹.

Эта живительная «взаимность с прошлым» и чуткая совесть ученого присущи были и самому Н. Н. Глубоковскому, одухотворяя его работы, сообщая им замечательное свойство привлекать любознательное внимание ищущих правды читателей... Н. Н. Глубоковский стал одним из самых ярких и достойнейших воспитанников Московской академии и ее церковно-исторической школы, для которого научный труд явился объектом «священного почитания и поклонения», а вся «жизнь без остатка была посвящена академическому служению, вне которого ее совсем и никогда не было»²⁰. Помимо фундаментальных работ по экзе-

¹⁵ Глубоковский Н. Н. Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева... С. 19, 21.

¹⁶ Там же. С. 18, 17.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 16, 15.

²⁰ «Род ученых» не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н. Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг. (вступ. ст., публ. и примеч. Т. А. Богдановой и А. К. Клементьева) // Вестник Екатеринбургской ду-

гетике и истории Церкви, принесших Н. Н. Глубоковскому известность и мировое признание, он много потрудился над разработкой концепции реформы духовного образования, прежде всего высших учебных учреждений — духовных академий. В его работах по истории духовного образования в России²¹ соединились познания историка и опыт духовного педагога. Эрудиция почти невероятная и удивительный дар историка-богослова проявились в этих писаниях не менее ярко, чем в сочинениях по экзегетике и истории Церкви.

О Н. Н. Глубоковском как историке Московской духовной академии свидетельствуют две работы: воспоминания «За тридцать лет»²², повествующие о Московской духовной академии за 1884–1914 годы ее существования, и сборник «Московская духовная академия в 1854–1870, 1883 и 1886–1887 годах по переписке проф. В. Н. Потапова († 1890, II, 5)», подготовленный им к изданию в 1917–1921 гг.

Воспоминания отчетливо и проникновенно обозначили отношение Н. Н. Глубоковского к положению высшей духовной школы после введения Устава 1884 г. и вызвали сильный резонанс в академических кругах, особенно же в самой МДА²³. Объясняя причину, побудившую взяться за перо, Н. Н. Глубоковский замечал: «Прожита уже вся настоящая жизнь, и дальше остаются лишь болезненное угасание и обременительное прозябание. Не хватает сил не только идти вперед, но даже повторять старое и погашать прежние счета, которые именно теперь восстают перед умственным взором колоссальными цифрами кредита,

ховной семинарии. 2015. № 3(11). С. 150. Письмо епископу Василию (Богдашевскому) от 16/29 сентября 1920 г.

²¹ Назовем лишь основные: К вопросу о нуждах духовно-академического образования // Странник. 1897. № 8. С. 519–540; По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907 (в сборник этот вошли статьи Н. Н. Глубоковского за 1905–1907 гг.); По вопросу о реформе Учебного комитета при Св. Синоде // Странник. 1909. № 5. С. 737–760; Об организации школьного пастырского приготовления и об устройстве «богословско-пастырских училищ» // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 12, 22 марта. С. 557–579.

²² Глубоковский Н. Н. За тридцать лет (1884–1914 гг.) // У Троицы в Академии. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 737–755. Были также и отдельные оттиски с иной пагинацией.

²³ Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский и его воспоминания о Московской духовной академии «За тридцать лет» // Исторические записки / отв. ред. академик Б. В. Ананьич. М., 2006. Вып. 9 (127). С. 383–418.

чуть не сплошного... Хотелось бы укрыться сознанием напряженного труда во всецелом служении единственному Богу истины и правды, но невольно вспоминается “вся повеленная нам”, — и опять видишь себя только “рабом неключимым”, который жил и делал единственно милостью Всевышнего и помощью добрых людей чрез разные благодетельные средства. И вот в эти грустные минуты решительного поворота к старости, — когда так близко “оскудение” и столь далеки “вечные кровы”, — воскресает перед смятенной душой священный образ дорогой *Almae matris* и наполняет светлыми надеждами. [...] Минувшего не воротишь, и каждая написанная буква является шагом к неведомому будущему, но по необходимости стремишься теперь назад, чтобы обновиться на остаток дней отрадными воспоминаниями юности и почерпнуть в них оживление для посильной работы по долгу пред матерью и во имя ее»²⁴. Но, обращаясь к прошлому, Николай Никанорович, несомненно, «вдохновлялся» и печальным настоящим.

Сам юбилейный сборник «У Троицы в Академии», имевший определенную направленность, был издан «по идейным соображениям». Идея сборника выражена в рецензии протопресвитера о. Н. А. Любимова, оценившего воспоминания Н. Н. Глубоковского как «общую характеристику жизни академии, перелома в ее жизни, разделяющего старую и новую академии»²⁵. И. К. Смоличу много лет спустя воспоминания Н. Н. Глубоковского казались «слишком субъективными»²⁶. С этим трудно не согласиться. Но именно в *такой личной и заинтересованной* оценке академического строя и заключалась исключительная значимость воспоминаний Николая Никаноровича, несомненно, помнившего завет своего учителя профессора А. П. Лебедева: «Да, история православной духовной академии должна быть написана слезами и кровью»²⁷.

²⁴ Глубоковский Н. Н. За тридцать лет (1884–1914 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 205.

²⁵ См.: Прибавление к «Церковным ведомостям». 1914. № 39, 27 сентября. С. 1696 (рецензия опубликована без указания авторства).

²⁶ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 601.

²⁷ Лебедев А. П. Два пионера церковно-исторической науки у нас и немногие сведения о жребиях их преемников // Богословский вестник. 1907. № 5. С. 166. По замечанию профессора МДА М. Д. Муретова, высказывания А. П. Лебедева «удобнее молчание» и «чтоб не шебаршился» приобрели «непреходящее значение и навсегда останутся метким, хотя и скорбным эпитафием к характеристике нашей истинно мученической

Весною 1917 г., когда вопрос о преобразовании духовных академий вновь стал весьма актуальным, Н. Н. Глубоковский опубликовал статью «Начало организованной духовной школы (Комитет по усовершенствованию духовных училищ)»²⁸, помеченную 4 апреля 1917 г. По-видимому, в это же время он начал работу над сборником «Московская духовная академия в 1854–1870, 1883 и 1886–1887 годах по переписке проф. В. Н. Потапова († 1890, II, 5)», который был посвящен именно «старой» академии.

Регулярная публикация на страницах «Вестника Екатеринбургской духовной семинарии» переписки академических преподавателей наглядно свидетельствует, каким ценным и незаменимым источником являются письма. В этой связи мы хотим привлечь внимание к сборнику переписки по истории МДА (1854–1887 гг.), подготовленному Н. Н. Глубоковским в 1917–1921 гг., но по обстоятельствам времени не изданному. Все предполагавшиеся к печатанию письма взяты из архива профессора по кафедре истории философии МДА Василия Никифоровича Потапова. Материалы архива по наследству перешли к его племяннице, вдове профессора Алексея Петровича Лебедева († 1908, VII, 14), Анастасии Васильевне Лебедевой²⁹, дочери профессора В. П. Нечаева³⁰, женатого на сестре Василия Никифоровича Потапова Варваре Никифоровне (28 ноября 1833 — 18 ноября 1887 г.)³¹.

эпохи русского богословия» (Письмо М. Д. Муретова Н. Н. Глубоковскому от 1 марта 1909 г. (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 630. Л. 55 об.)).

²⁸ Богословский вестник. 1917. № 6–7. С. 75–92.

²⁹ Анастасия Васильевна Глубоковская (Лебедева; 19 ноября 1859 — 15 февраля 1945, София) с 1890-х гг. состояла в гражданском браке с Н. Н. Глубоковским, брак был юридически оформлен лишь 27 ноября 1920 г.

³⁰ Василий Петрович Нечаев (13 марта 1822 — 30 мая 1905), выпускник (1848) МДА, магистр богословия, один из учредителей и редактор журнала «Душеполезное чтение». После потери жены, 8 июня 1889 г. пострижен в монашество с именем Виссариона, 30 июля хиротонисан в епископа Дмитровского, с 14 декабря 1901 г. епископ Костромской, автор многочисленных духовных сочинений (*Корсунский И. Н.* Преосвященный Виссарион, епископ Костромской (По поводу его 50-летнего юбилея, 5 ноября и с приложением его портрета) // Душеполезное чтение. 1898. № 10. С. 212–235).

³¹ Родители: настоятель московской Введенской в Семеновском церкви протоиерей Никифор Иванович Потапов († 29 июля 1865) и Ирина Александровна, сестра профессора Федора Александровича Голубинского. Таким образом, А. В. Лебедева доводилась внучатой племянницей Ф. А. Голубинскому.

Под предисловием Н. Н. Глубоковского к сборнику стоят две даты: 29 апреля 1917 г. и май — июнь 1921 г. Очевидно, первая указывает на окончание работы над корпусом самой переписки, которая была уже подготовлена к печати, а вторая свидетельствует о последнем просмотре рукописи накануне отъезда А. В. и Н. Н. Глубоковских за границу. Николай Никанорович сам изготовил рукописные копии с оригиналов и послал их библиотекарю МДА Константину Михайловичу Попову, который снабдил письма примечаниями. Судя по письмам К. М. Попова, работа над примечаниями в основном проделана весной 1917 г. По всей видимости, Н. Н. Глубоковский намеревался издать переписку отдельной книгой. В письмах он не раз высказывал пожелание заняться издательской деятельностью после выхода в отставку. Стремительно развивавшиеся события помешали осуществлению этого проекта. Сборник напечатан не был.

Н. Н. Глубоковский отмечал в предисловии два главных момента, придающих издаваемой переписке несомненную ценность: она получает «свою важность и от участвовавших в ней лиц», и от содержания самих писем: «Василий Никифорович всегда констатирует точно и обсуждает спокойно, открывая действительную жизнь в ее подлинном виде. Его письма — это верная хроника академических событий, с пунктуальностью отражающая фактическое положение вещей за целые двенадцать лет истории Московской академии. А массы всяких подробностей сообщает этой корреспонденции самый разносторонний бытовой интерес, во многом далеко переходящий за академические границы. По всему сказанному рассматриваемые письма представляют весьма ценный исторический материал».

Основу сборника составили письма Василия Никифоровича Потапова к его отцу протоиерею о. Никифору Ивановичу Потапову, выпускнику I-го курса МДА (1814–1818)³², бакалавру МДА по кафедре церковной словесности в 1818–1823 гг. Всех писем около 150 (и, независимо от времени написания, начинаются они почтительным обращением «Дражайший папенька»). В предисловии Н. Н. Глубоковский подробно характеризовал обоих корреспондентов. О старшем Потапове он писал, как о человеке серьезных научных потребностей и интересов, следившем со вниманием за современной богословской литературой (в том числе

³² Среди однокурсников Н. В. Потапова — П. С. Делицын, Ф. А. Голубинский, Василий Капустин.

иностранный), помещавшем в академическом журнале «Прибавления к творениям св. отцов» самостоятельно исполненные переводы с немецкого. Никифор Иванович Потапов принимал участие в торжественном праздновании полувекового юбилея МДА, отмечавшимся 1 октября 1864 г. и совпавшим с праздновавшимся Свято-Троицкой Сергиевой лаврою событием далекого 1812 года. «В этот день лавра, сверх общего празднества, празднует избавление обители от угрожавшего ей нашествия французов в 1812 году и знаменует воспоминание о сем благодетелю Божию крестным ходом по стенам монастырским»³³. Торжества возглавил митрополит Московский Филарет, прибыли ректор Императорского Московского университета, питомец МДА С. И. Баршев, профессор университетов, представители Императорской Академии наук, ректоры духовных семинарий, представители всех курсов МДА и депутаты многих духовно-учебных заведений, публицисты И. С. Аксаков и М. Н. Катков, и другие гости — «все общество, собравшееся на праздник, составляло более 200 человек»³⁴. Отметим, что свою торжественную речь ректор МДА протоиерей А. В. Горский начал с упоминания о том, что «училища наши вышли из храмов. В начале кафедра учительская не отделялась от кафедры иераршеской»³⁵.

Младший Потапов, Василий Никифорович (1836 — 5 февраля 1890 г.), выпускник Московской духовной семинарии, в 1858 г. окончил МДА первым магистрантом, затем в продолжение 25 лет (1858–1883 гг.) преподавал по кафедре истории философии и после, до самой смерти, поддерживал самые близкие и живые сношения с родной академией, пользуясь «большим вниманием по своему научному авторитету»; в 1879–1885 гг. редактор «Творений святых отцов в русском переводе»³⁶. Блестящие дарования, обширная эрудиция, тщательность и точность в исполнении дел отличали его по службе и были рано замечены начальством, в 1864 г. он был удостоен звания экстраординарного профессора.

³³ Празднование пятидесятилетия Московской духовной академии. М., 1864. С. 5.

³⁴ Там же. С. 3.

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ *К[орсунск]ий И. [Н.]* Профессор В. Н. Потапов. (Некролог). [М., 1890]. Приводятся обширные выдержки из писем В. Н. Потапова к Н. И. Корсунскому, относящиеся к началу 1880-х гг. по поводу редактирования перевода творений св. Кирилла (с. 9–14), приведены перечень и характеристика трудов Потапова, как опубликованных, так и оставшихся в рукописи.

Причиной его ранней отставки в 1883 г. стало слабое здоровье (хроническое воспаление легких и порок сердца, как следствие давней простуды). После переезда в Москву жил в гостинице «Бояр» близ храма Христа Спасителя, умер от паралича сердца³⁷.

В письмах В. Н. Потапова к отцу содержится великое множество подробностей из жизни студентов и наставников МДА: о лекциях, темах студенческих сочинений, ректорах МДА (архимандрите Сергии (Ляпидевском), ставшем впоследствии митрополитом Московским, и о сменившем его на посту ректора протоиерее о. Александре Васильевиче Горском), посещениях академии высокими гостями — членами императорской фамилии, митрополитом Филаретом (Дроздовым) и другими иерархами, приезжавшими в лавру, праздновании 50-летнего юбилея МДА, о неосуществившихся планах издания Богословского словаря (относящихся к 1860-м годам), взаимоотношениях академической корпорации с Троице-Сергиевой лаврой и многим иным.

Однако ценность переписки отца и сына Потаповых — не только в разнообразии излагаемых в ней сведений. Она ощутимо передает настрой и дух золотого века «старой» академии — до введения Устава 1884 года. «Перед нами были как бы главы семейств, дорожившие собою лишь для процветания своего дома и членов его, а не случайные и чуждые соискатели великих почестей и скорых восхождений только для себя»³⁸, — замечал Н. Н. Глубоковский об этой эпохе. Конечно, в этом замечании содержится доля идеализирования, к чему всегда был склонен Н. Н. Глубоковский и что до известной степени культивировалось им самим. Подобное отношение являлось неотъемлемой чертой образования и воспитания, получаемого в духовных школах. Старую духовную школу можно назвать семьей, «отгороженной извне и связанной изнутри» особым характером духовного образования, принадлежностью ее воспитанников и наставников к духовному сословию. Здесь все были «свои» друг другу. Для Московской академии, расположенной в Сергиевом Посаде, это было особенно ощутимо и отмечалось многими ее воспитанни-

³⁷ Заупокойную литургию совершал 7 февраля 1863 г. в церкви св. Илии Обыденного епископ Виссарион (Нечаев), в тот же день в академической церкви инспектором академии архимандритом Антонием (Храповицким) в присутствии профессоров и студентов была отслужена панихида. Похоронен на Семеновском кладбище, где похоронены родители его и другие близкие родственники.

³⁸ *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет... С. 209.

ками... «Старая духовная школа — и академия, и семинария, — при всех своих недостатках, владела удивительным секретом привязывать к себе людей. Там плохо кормили, плохо учили, и однако, сколько бывших семинаристов и академистов, оставались на всю жизнь связанными какой-то невидимой, но прочной связью со своей суровой и скудной школой! Причин этому много, но важнейшая, кажется, та, что духовная школа более, чем всякая другая, приближалась к понятию о том, чем должна быть всякая настоящая школа, что можно назвать семьей, отгороженной извне и связанной изнутри. Да и доселе, несмотря на растущее различие во взглядах и временами проистекающую отсюда враждебность отношений, все же здесь все-таки в гораздо большей мере свои друг другу, чем где-нибудь в гимназии или университете, сплошь наполненных уже совершенно чужими, пришлыми и мимо спешащими элементами»³⁹.

Пока Н. Н. Глубоковский готовил к изданию переписку отца и сына Потаповых, духовные академии в России прекратили свое существование. «Забываем и растрчиваем все старое в самых простейших элементах, а нового ничего..., — писал Николай Никанорович ректору Киевской духовной академии епископу Василию (Богдашевскому). — Отсюда страшное, морально подавленное настроение, так как не знаешь, для чего жить, зачем тянуть и чем оправдать такое бессмысленное и мучительное существование. Не видится впереди достаточной цели, ради которой стоило бы приносить столь ужасные жертвы, какие выпали на долю всей нашей интеллигенции, измученной, истерзанной, поруганной зверством фанатизма и буйством черни. Без светлых перспектив в будущем наше настоящее проваливается в адскую бездну и нас тащит в преисподнюю пучину. Надо хоть мерцающую точку в отдалении, чтобы пережить с разумным мужеством и страданием совершать спасение — не свое только, но и всеобщее. А это спасение может быть только духовное. Мы достаточно потратили всяких материальных ресурсов, чтобы видеть всю пагубность “материалистических” расчетов. Надо водиться всецело единым духом и каждому в своей сфере поддерживать его горение. Для духовно-академических деятелей это — наши великие и святые академические идеалы»⁴⁰.

³⁹ Добротворцев Б. «У троицы в Академии». М., 1914 [Рецензия] // Богословский библиографический листок. 1914. Вып. 10–11. Октябрь — ноябрь. С. 168.

⁴⁰ «”Род ученых” не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора

В сборник, подготовленный Н. Н. Глубоковским к изданию, помимо писем В. Н. Потапову к отцу, вошли письма к В. Н. Потапову его сослуживцев и учеников по МДА — А. Л. Катанского (1868–1870 гг.), П. М. Хупотского (за 1864–1869 гг.), И. А. Кратирова (1870–1883 гг.; в монашестве Иоанн, епископ Саратовский), о. П. Л. Лосева (1870 г.; в монашестве Петр, епископ Пермский) и Д. Ф. Голубинского (1856–1887 гг.).

Ниже публикуются некоторые материалы из сборника: предисловие Н. Н. Глубоковского и один из комплексов переписки: четыре письма В. Н. Потапову от А. Л. Катанского, окончившего в 1863 г. вторым магистром СПбДА, в 1863–1867 гг. бакалавра МДА по церковной археологии и гомилетике, в 1867–1896 гг. профессора СПбДА по кафедре догматического богословия. «Многомятежность» Петербурга, по замечанию А. Л. Катанского, мешала регулярности этой переписки, между вторым и третьим письмом прошло почти два года (14 марта 1868 и 13 февраля 1870 г.). Далее переписка, по-видимому, прервалась.

Александр Львович Катанский (19 ноября 1834 — 27 февраля 1919), сын диакона из Нижнего Новгорода, племянник профессора СПбДА Ф. Г. Елеонского⁴¹ и двоюродный брат профессора СПбДА А. И. Садова⁴², являет собою редчайший пример, когда для преподавания в МДА приглашен был выпускник другой академии. Инициатива такого шага принадлежала митрополиту Филарету (Дроздову), без которого «не делалось в академии ничего самого маловажного»⁴³. По мнению самого Катанского, это было «отплатою Петербургской академии за ее вызов московского воспитанника XXII курса» (1856–1860) А. М. Иванцова-Платонова на кафедру новой церковной истории. А. Л. Катанский «охотно» поехал в Московскую академию. Инспектором академии в 1861–1876 гг. состоял земляк Катанского, выпускник Нижегородской семинарии (1850) архимандрит Михаил (Лузин; 1830–1887), по семейным преданиям

Н. Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг.). С. 149. Письмо еп. Василию (Богдашевскому) от 16/29 сентября 1920 г.

⁴¹ Был на полгода старше А. Л. Катанского, окончил СПбДА в том же, 1863 г.

⁴² Выпускник СПбДА 1876 г.

⁴³ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Вып. 1. Пг., 1914. С. 167. Катанский отмечал исключительное влияние на жизнь МДА митрополита Филарета, который «делал» в академии «хорошую и дурную погоду», но в последние годы «был только солнцем, освещавшим ее своим сиянием и перестал быть грозным громовержцем» (Там же. С. 190).

бывший другом и товарищем по семинарии одного из дядей А. Л. Катанского — Петра Герасимовича Елеонского. К о. Михаилу А. Л. Катанский явился по своему приезду в Сергиев Посад 6 декабря 1863 г.

В своих «Воспоминаниях» А. Л. Катанский с интересными подробностями описывает первые дни своего пребывания в МДА, знакомство с академической корпорацией: посещение «казенного двора», где в двух деревянных домах находились квартиры семейных профессоров. Самому А. Л. Катанскому вскоре предоставили квартиру из трех комнат (с достаточным количеством казенной мебели: диван, кресла, стулья, обитые зеленого цвета клеенкой столы — письменный и для гостиной, шкаф для книг, железная кровать, и «даже ширмы для спальни») в профессорском или бакалаврском корпусе. «Все бакалаврские квартиры были почти совершенно одинаковы по размерам и расположению комнат, различаясь только большею или меньшею уютностью, зависевшею, впрочем, от их обитателей»⁴⁴, за исключением двух, оклеенных обоями, все остальные были выкрашены светло-голубою клеевою краской. Здесь проживали бакалавры Е. Е. Голубинский, П. М. Хупотский, Н. К. Соколов, В. Н. Потапов и экстраординарный профессор Н. И. Субботин, державшийся несколько в стороне от всех.

Первые лекции по церковной археологии А. Л. Катанский читал студентам XXIV курса (1860–1864), среди которых оказались будущий профессор МДА Д. Ф. Касицын и будущий ректор СПбДА епископ Иоанн (Кратиров). Застал он и празднование 50-летнего юбилея МДА, по случаю которого получил в награду благословение Св. Синода, а В. Н. Потапов — звание экстраординарного профессора. Два следующие года (1864/5 и 1865/6) в жизни А. Л. Катанского были годами «усиленных» трудов по изучению преподаваемых предметов, в особенности церковной археологии. «Громадную пользу» указанием источников и пособий ему оказал ректор протоиерей А. В. Горский, к которому Катанский являлся перед началом чтения каждого нового отдела преподаваемого им предмета и уходил от него с полной уверенностью, что уносит «с собою все, что в тогдашней литературе самого лучшего, важного и новейшего»⁴⁵. К тому же и библиотека МДА, по отзыву Катанского, была «гораздо богаче» книгами «по церковной истории вообще

⁴⁴ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Вып. 1. С. 171.

⁴⁵ Там же. С. 179.

и церковной археологии в частности, да, кажется, и по другим предметам академического курса»⁴⁶. Как отмечал А. Л. Катанский, его «идеалы академического профессора совершенно расходились с идеалами сослуживцев, которые [...] советовали больше заниматься изучением предмета для себя и обращать поменьше внимания на составление лекций, не посещаемых студентами»⁴⁷. Но молодому бакалавру хотелось, помимо изучения предмета, привлечь к нему больше слушателей, что, по его признанию, «до некоторой степени» ему удалось.

Удаленность Посада от Москвы способствовала тому, что «жизнь академической корпорации сосредотачивалась исключительно в ней самой, ограничиваясь взаимным общением ее членов. Никакого другого общества в Посаде не было»⁴⁸. Со смертью старейшего профессора МДА П. С. Делицына⁴⁹, объединявшего всю корпорацию, «единое тело, имевшее в нем единую душу»⁵⁰ распалось «на несколько кружков». Такою застал корпорацию А. Л. Катанский по приезду в Посад.

Из всех молодых членов корпорации А. Л. Катанский сошелся ближе с Н. К. Соколовым, недавно вернувшимся из Лондона, и с В. Н. Потаповым, к которому «привлекал весьма симпатичный, благородный его характер» и с которым у А. Л. Катанского сложились «наиболее дружеские», «закадычные» отношения. «Василий Никифорович Потапов, бакалавр, а с 1864 г. экстраординарный профессор логики и новой философии, в своем роде также довольно оригинальная личность. Очень даровитый профессор отличался философским глубокомыслием и сосредоточенностью, из которых по временам выходил и проявлял много сердечности и какой-то милой наивности. По отношению к сослуживцам держал себя очень корректно и пользовался общими, без исключения, их симпатиями. Любил музыку, хотя, кажется, не имел особых музыкальных способностей, играл на фортепьяно, которое у него одного было в нашем бакалаврском корпусе, и чрез то несколько оживлял нашу монотонную жизнь в казенной обстановке»⁵¹.

⁴⁶ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). С. 179.

⁴⁷ Там же. С. 186.

⁴⁸ Там же. С. 203.

⁴⁹ 30 ноября 1862 г., за несколько дней до приезда А. Л. Катанского в Посад.

⁵⁰ Катанский А. Л. Воспоминания... Т. 1. С. 203.

⁵¹ Там же. С. 200.

В эти годы А. Л. Катанский завел знакомства с И. С. Аксаковым, в газете которого «День» дебютировал на литературном поприще, с Н. П. Гиляровым-Платоновым, К. И. Невоструевым, с зятем В. Н. Потапова о. В. П. Нечаевым, тогда настоятелем церкви св. Николая в Толмачах и редактором «Душеполезного чтения», с протоиереем Ип. Мих. Богословским-Платоновым, известным в то время духовным писателем и церковным деятелем, с настоятелем Пятницкой церкви в Замоскворечье протоиереем В. И. Романовским, весьма популярным у московских купцов, в особенности железнодорожных строителей, совершавшим освящение мостов, вокзалов и прочего. Во время поездок в Москву Катанский часто останавливался у «почтенного московского диакона» И. Г. Богоявленского (близкого родственника митрополита Филарета, отца своего ученика по МДА К. И. Богоявленского, впоследствии настоятеля храма Василия Блаженного). У И. Г. Богоявленского А. Л. Катанский познакомился «с очень интересною и уважаемою в Москве личностью, с настоятелем церкви Никиты Мученика на Басманной, Пл. Ив. Капустиным»⁵², братом начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина).

Последний год пребывания в Москве, по признанию самого А. Л. Катанского, прошел в попытках устроить семейную жизнь. 18 января 1866 г. он женился на старшей дочери знаменитого и весьма влиятельного протоиерея И. В. Васильева, служившего в 1846–1867 гг. в Париже, сначала священником и настоятелем посольской церкви, затем настоятелем кафедрального Александро-Невского собора, построенного при ближайшем его участии. В 1867 г. протоиерей И. В. Васильев был назначен председателем учрежденного Учебного комитета и вернулся в Россию. А летом 1867 г. А. Л. Катанский был переведен в Петербургскую духовную академию на кафедру догматического богословия. И. В. Васильев сыграл огромную роль в жизни А. Л. Катанского, который в его доме встречал многих замечательных людей того времени «из тогдашней аристократии — родовитой или ученой и служебной»⁵³.

⁵² Катанский А. Л. Воспоминания... Т. 1. С. 212.

⁵³ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Вып. 2. Пг., 1918. С. 80. У о. И. В. Васильева было шесть дочерей и три сына. Младшим из зятьев его был Н. М. Аничков, тогда директор Новгородской гимназии, впоследствии сенатор, вице-председатель ИППО.

Перевод в Петербург «почти совпал с наступлением ректорства» протоиерея И. Л. Янышева и произошел по его представлению⁵⁴ (без согласования с корпорацией) в летнее время, что было сделано намеренно и впоследствии вызвало в адрес о. ректора немало «горячих и резких речей по поводу незаконности (по форме)» этого перевода и нарушения академических обычаев⁵⁵. Но «форма» существенно не повлияла на вхождение А. Л. Катанского в петербургскую академическую корпорацию, для которой он был «своим»⁵⁶.

Это было время преобразований в сфере духовной школы, главным двигателем которых А. Л. Катанский называл обер-прокурора гр. Д. А. Толстого. Поскольку в комитет для пересмотра Устава академий был назначен и протоиерей И. В. Васильев, игравший в нем не последнюю роль, А. Л. Катанский был прекрасно осведомлен о ходе работ и всех «подводных камнях».

Скромное жалованье преподавателя столичной академии (экстраординарный профессор получал 900 рублей в год, бакалавр — 700, с учетом солидной прибавки к казенному жалованью от Александро-Невской лавры) и дороговизна жизни побуждали «прибегать к литературному труду, как к добавочному средству существования», ибо «в половине месяца карман оказывался совершенно пустым»⁵⁷. А. Л. Катанский признавал, что «отсюда и ведут начало» его «Очерки истории литургии нашей Православной Церкви»⁵⁸ и «История древних национальных литургий Запада»⁵⁹, печатавшиеся в академическом журнале «Христианское чтение». «Не будь гнетущей нужды, едва ли появились бы на свет эти очерки, отнявшие у меня не мало времени от занятий новым предметом преподавания (догматическим богословием), с трудами по которому я не мог

⁵⁴ Жена А. Л. Катанского София Иосифовна (урожд. Васильева) была племянницей А. Е. Янышевой, супруги прот. И. Л. Янышева.

⁵⁵ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Вып. 2. С. 4.

⁵⁶ Перечень трудов А. Л. Катанского и их оценка приведены в брошюре его ученика и преемника по кафедре протоиерея П. И. Лепорского «Пятидесятилетний юбилей ученой деятельности профессора А. Л. Катанского» (СПб., 1913).

⁵⁷ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Вып. 2. С. 15.

⁵⁸ Катанский А. Л. Очерк истории литургии нашей Православной Церкви // Христианское чтение. 1868. № 9. С. 345–381; № 10. С. 525–576.

⁵⁹ Катанский А. Л. Очерк истории древних национальных литургий запада // Христианское чтение. 1869. № 1. С. 17–69; № 2. С. 202–221; № 4. С. 562–614; 1870. № 1. С. 83–124; № 2. С. 224–256.

еще выступить в печати по недостаточному его изучению»⁶⁰. А в письме к В. Н. Потапову он сообщал, что журнал «Христианское чтение» приносил «очень много сотрудникам», за печатный лист, «даже безобразный», платили 92 руб., что приносило 1300–700 руб. дополнительного дохода в год.

После перевода в Петербург А. Л. Катанский продолжал не только живо интересоваться «Академией и Посадам», но, как он писал, «часто вздыхаю по ним», особенно об Академии «всегда с особенной любовью». По-видимому, переписка завязалась по его инициативе, В. Н. Потапова он называет «отличным корреспондентом» и «хорошим бытописателем, т. е. хорошим в смысле передачи мелочей обыденной жизни», что было для А. Л. Катанского особенно интересно. Со своей стороны, сам он обещал сообщать новости академии «Петербургской или лучше сказать духовно-петербургской жизни», о которых был прекрасно осведомлен благодаря своему тестю протоиерею И. В. Васильеву. В письмах множество имен и некоторые подробности введения нового академического Устава. А. Л. Катанский пишет о значительном оживлении академической жизни (несмотря на отдельные «нелепости» нового Устава), поскольку при новых порядках, «что считаешь нужным сделать, можно сейчас же заявить в Совете. [...] Прошло то время, когда никому не было дело до того, что делается и как делается в Академии и слава Богу, что прошло». В переписке затронут вопрос и о переводе Московской академии из Посада в Москву, сторонником чего выступал В. Н. Потапов.

Н. Н. Глубоковский неким образом сопричастен к публикуемым письмам А. Л. Катанского, как выпускник МДА и коллега Катанского по СПбДА. И для Н. Н. Глубоковского, и для А. Л. Катанского Московская и Петербургская академии были родными, о каждой оба говорили как об *Almae matris*. Добрые отношения с А. Л. Катанским Н. Н. Глубоковский поддерживал и после выхода Катанского в отставку, о чем свидетельствуют два публикуемые ниже письма.

Письма А. Л. Катанского Н. Н. Глубоковскому публикуются по: ОР РНБ. Ф. 194 (Глубоковский Н. Н.). Оп. 1. Д. 517. Л. 2–5 об. В квадратных скобках [] приводятся пометы Н. Н. Глубоковского о получении писем. Орфография и пунктуация оригинала сохранены. Все подчеркивания текста переданы через курсивное написание.

⁶⁰ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. Н. Новгород, 2010. С. 244–245.

№ 1. Письмо А. Л. Катанского Н. Н. Глубоковскому, ноябрь 1913 г.

[1913, XI, 28 — четверг. НГлубоковский]

Глубокоуважаемый
Николай Никанорович,

Глубоко тронуло меня Ваше письменное и, стало быть, двукратное приветствие, ибо я видел уже Вашу подпись под адресом от нашей Академии.

Весьма дорого оно для меня не только по выраженным в нем Вашим ко мне чувствам, но и потому, что Вы почти единственный из питомцев дорогой для меня Московской Д. Академии откликнулись на мой юбилей. Другой, случайный мой знакомый, Адмиралтейского собора Протоиерей Красовский, венчавший моего сына, также прислал мне очень сердечную телеграмму, хотя мы || (мы) виделись с ним один толь- л. 2 об.
ко раз или точнее два, пред венчанием и в день венчания, разговорились и он оказался москвичем по Академии.

Московская и Казанская Академии не почтили меня приветствиями, хотя я состою их почетным членом. Но тут я сам кругом виноват. Я поступал в отношении к ним чисто по-свински. В знаменательные для них дни (1 Окт.[ября] и 8 Ноября) я ни разу не откликнулся словом приветия и сочувствия. И сбылось изречение: «ею же мерою мерите, возмерится || и Вам». Особенно для меня чувствительно заслуженное мною вполне л. 3
наказание от Московской Академии, второй моей *Almae Matris*, горячо мною любимой и глубоко почитаемой, имевшей на меня большое и благожелательное влияние при первых шагах на профессорском поприще. В 25ти летний мой юбилей (в 1888 г.) она откликнулась милейшей и очень для меня лестной телеграммой, подписанной почти всеми профессорами того времени, во главе В. Дм. Кудрявцевым. Правда, тогда || было еще л. 3 об.
много моих бывших учеников и сослуживцев, а теперь из тех и других не осталось ни одного. Все это так, но все-таки сердцу больно: кого любишь, от того ждешь ласки и приветия, хотя того и не заслуживаешь. Казанская Академия — дело другое; с нею у меня нет сердечных связей.

Если доживу, 1го Октября будущего года явлюсь в Моск.[овскую] академию к столетнему ее юбилею, поклонюсь ей до земли и попрошу у нее прощения, как блудный ее сын. На 50ти летнем я был: в 1864 году я уже служил в ней бакалавром и получил даже по этому случаю награду — благословение Св. Синода. А Вы что получили по случаю 100 лет-

него юбилея нашей Петербургской Академии? Сколько помнится, — по отдельному оттиску статьи М. О. Мельникова: «Пир во время чумы»..!

Небольшим для меня утешением в означенных скорбных чувствах послужила вполне неожиданная телеграмма В. К. Саблера: «Приветствую Вас с 50ти летием Вашей *столь полезной для православной церкви* (!) ученой и педагогической деятельности. Шлю Вам лучшие пожелания здоровья и благополучия. Саблер». И это после Аквилоновской истории! Глубоко почитающий и преданный А. Катанский.

P. S. Покажите это письму дугу Вашему А. А. Бронзову — ради текста телеграммы Саблера, а он — [нрзб] — покажет Вам свое, т.е. мое к нему письмо — ради текста юбилейного мне приветствия Карташева.

**№ 2. Письмо А. Л. Катанского Н. Н. Глубоковскому
от 23 декабря 1913 г.**

23 Дек. 1913 г.

Гатчина Люцевская ул. 48

[1913, XII, 25 — среда. НГлубоковский]

Дорогой и глубокоуважаемый
Николай Никанорович.

Не могу не поделиться своею радостью с Вами, как москвичем по Академии. Я получил наконец привет от Московской Академии, которого мне положительно не доставало для полноты моего праздника. Говорю это не по славолыбию, а по естественному чувству человека любящего и потому желающего найти отклик у предмета своей любви. А я истинно полюбил дорогую Академию, как вторую Alma Mater, поставившую л. 4 об. меня на ноги || и направлявшую мои первые шаги, колеблющиеся шаги на поприще учебной и ученой деятельности. Она не была для меня махехой, а любовно и участливо приняла меня к себе, когда первая моя мать толкнула меня в ее объятия. Многим, очень многим я ей обязан и никогда этого не забуду.

Тем удивительнее и, скажу более, большее было для меня ее молчание, когда почти все откликнулись по случаю 18 ноября. Думал я, что она на меня за что-нибудь сердится или же совсем меня забыла.

Но оказывается, она придумала для меня сюрприз и притом очень приятный — в виде двух делегатов от нее с поднесением || мне иконы л. 5 пр. Сергия.

И вот совершенно для меня неожиданно, 21 декабря в прошлую субботу, являются в Гатчинский мой дом два профессора: С. И. Смирнов, преемник Евгения Евс[т]игнеевича Гол.[убинского], и А. П. Орлов (по кафедре истор.[ии] и облич.[ения] запад.[ной] Церкви) и подносят мне икону Пр. Сергия, с медною дощечкою на задней ее стороне, на которой обозначено: Профессору Александру Львовичу Катанскому от Импер.[аторской] Москов.[ской] духовной академии 19 18/XI 13 г.

Правда, они не привезли с собою никакого адреса, но присылка иконы с двумя делегатами, профессорами, по моему мнению, вполне его заменяет и делает им большую честь, мною даже || не заслуженную. л. 5 об.

И как Академия хорошо придумала! Удачнее и приятнее для меня подарка не могла она придумать. Прочтите начало моих «Воспоминаний» в янв.[арской] кн.[ижке] Хр.[истианского] Чтен.[ия] Родился я в приходе Пр. Сергия, начал службу в его же ограде.

Икона в серебряной, хорошей ризе и даже в изящном киоте. Когда я принял ее из рук делегатов, я даже прослезился...

Делегаты приехали собственно на съезд историков в Академии наук и сообщили мне, что Московская Академия воспользовалась этим случаем, чтобы заодно приветствовать чрез них и меня и передать мне от нее икону. Все вышло очень трогательно и мило, сердечно.

К сожалению, делегаты очень долго собирались ко мне в Гатчину и приехали в самый день отъезда своего в Москву, а потому торопились и пробыли у меня только 2 часа. А разговоров у нас было по крайней мере на два дня.

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова. Тоже поздравление передайте и своему другу Александру Александровичу Бронзову и пусть он не ревнует меня к Вам, что я не пишу ему, а Вам. Искренно Вам преданный и глуб.[око] уважающий, А. Кат[анский].

Т. А. Богданова

Материалы из сборника

«Московская духовная академия в 1854–1870, 1883 и 1886–1887 годах по переписке проф. В. Н. Потапова († 1890, II, 5)»

Настоящие материалы публикуются впервые. При подготовке текста к печати все особенности авторской пунктуации и особенности оформления примечаний сохранены. Сокращения раскрыты в квадратных скобках []. Все примечания, кроме оговоренных особо, принадлежат библиотекарю МДА К. М. Попову. Слова, подчеркнутые в тексте, выделены нами курсивом, подчеркнутые двумя линиями — разрядкой.

Тексты публикуются по: ЦГИА СПб. Ф. 2162 (Н. Н. Глубоковский). Д. 16 (предисловие Н. Н. Глубоковского), д. 20 (письма А. Л. Катанского).

Подготовка текстов к печати, некоторые примечания и публикация Т. А. Богдановой и А. К. Клементьева.

Московская Духовная Академия
в 1854–1870, 1883 и 1886–1887 года
по переписке проф. В. Н. Потапова († 1890, II, 5)

Издаваемая переписка получает свою важность и от участвовавших в ней лиц. Это, прежде всего, протоиерей Никифор Иванович Потапов и его сын, Василий Никифорович, студент и потом профессор Московской Духовной Академии. О. Никифор был восьмым магистром первого академического курса (1814–1818 г.г.) и непосредственно по окончании был определен (27 августа 1818 г.) бакалавром церковной словесности и состоял действительным членом академической конференции (с 30 июня 1820 г.) и секретарем ее и академического правления (с 27 сентября 1820 г.), а в 1823 году перешел священником в Москву и здесь скончался скоропостижно 29 июля 1865 г. протоиереем Введенской, в Семеновском, церкви⁶¹. Однако и по оставлении академической службы он не прерывал

⁶¹ Более подробные сведения даются в ведомости о Московской церкви Введенской в Семеновском, за 1864 г. Там мы находим: «Протоиерей Никифор Иоаннов Потапов — 69 лет, родился 6-го марта 1795 года в Костромской губ., из духовного звания, сын пономаря (в селе Щипачеве Костромского уезда). Обучался в Костромской Семинарии и потом в Московской Духовной Академии наук: Богословским, Философским, Словесности Церковной, Словесности всеобщей, Физикоматематическим наукам и языкам: Греческому, Еврейскому, Немецкому и Французскому. По окончании в Мос-

к[овской] Дух[овной] Академии курса наук в 1818 году со степенью Магистра, определен в оную же Академию Баккалавром Церковной Словесности 1818 г. Августа 27. Утвержден в звании Действительного Члена Академической Конференции 1820 г. Июня 30. За прилежание к должности и преспеяние (!) в познаниях получил одобрение от Комиссии Духовных Училищ 1820 г. Июля 31. Определен 1820 г. Сентября 27 Секретарем Конференции и Академического Правления. За ревностное и деятельное исправление Училищной должности получил в награждение половинный Баккалаврский оклад 1822 Сентября 7. По увольнении от Училищной и Секретарской службы в 1823 г. в Епархиальное ведомство, произведен в Священника Сретенского сорока, к церкви св. мученика Евпла, что на Мясницкой, 1823 г. Августа 1. В 1824 г. преподавал Катихизическое учение в приходской своей церкви по плану, одобренному Его Высокопреосвященством. Определен сотрудником Московского Попечительства о бедных духовного звания, и должность сию исправлял до 19-го Июля 1833 года — 1825 г. Апреля 29. Ходил в свои очередные дни во 2-ое отделение Мясницкой больницы, бывшей в доме князя Салтыкова, для исповеди и причащения, одержимых холерою до закрытия оной больницы с 23 Октября по 7 Декабря 1830 г. За ревностное исправление своей должности || награжден набедренником 1831 г. Января 30. За посещение холерной больницы награжден скуфьею 1831 г. Февраля 13. От означенной Евпловской Церкви переведен на настоящее место, т. е. к Введенской, в Семеновском, церкви 1831 г. Июля 24. Определен Сотрудником Московского Благотворительного Общества 1845 Января 2. За честное служение во священстве, за назидательное проповедание (!) слова Божия и в уважение прежнего служения Наставником при Академии Всемилоостивейше пожалован бархатною фиолетовою камилавкою 1845 г. Апреля 21. Определен Депутатом... 1845 г. Октября 23. Кроме того с 1847 года по указам и повесткам Консистории ежемесячно ходил в Преображенскую больницу, состоящую в Сретенском сороке, для присутствия при освидетельствовании умалишенных лиц духовного звания. За назидательное проповедование слова Божия и за труды по должности Депутата Всемилоостивейше награжден наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода... 1856 г. Августа 26. Произведен в Протоиерея... 1864 Мая 10. Имеет бронзовый крест на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 годов. Вдов (а женат он был на сестре о. Ф. А. Голубинского Ирине Александровне). В семействе у него дочь Анастасия — 26 лет. Ни с кем (из других членов причта) не в родстве. Судим и штрафован не был». Относительно «посещения холерной больницы» ср. у † о. В. П. Нечаева в «Душеполезном Чтении» VI (1865), ч. 2, стр. 94–95, и в «Сборнике для любителей духовного чтения» епископа Виссариона, изд. 2-е. СПб. 1897, стр. 482. «Во время первого холерного года в Москве, он был полным самоотвержения духовным врачом многочисленных больных в частных домах и в больнице, не щадя своих сил и спокойствия. Как священнослужитель, покойный с великим благоговением относился к святыне таинств, и однажды, можно сказать, необыкновенным образом засвидетельствовал сие благоговение. Один из заболевших холерою, по принятии от него тела и крови Христовой, почувствовал тошноту, и уста его изринули приятое вместе с прочею пищею. Как же поступил в сем трудном случае служитель алтаря? Он нимало не смешавшись, без малейшего смущения, без малодушного опасения заразы,

живых связей с родною Академией, но продолжал неослабно следить за нею по личным и родственным отношениям и по серьезным научным потребностям, как человек научных интересов. Его зять † о. Василий Петрович Нечаев (потом епископ Виссарион, † 30 мая 1905 г. в Костроме) в надгробном слове при отпевании 2 июля 1865 г. прот. Н. И. Потапова говорил: «Он не принадлежал к числу людей, которые занимаются наукою только в || школе и по обязанности, и поканчивают с нею, даже глумятся над занимающимся ею, по вступлении в жизнь практическую. Нет, школа и занятия в ней сперва в качестве ученика, потом учителя только положили в нем начало духовного развития, всю жизнь продолжавшегося. Не смотря на многочисленные труды по приходу и по другим родам службы, он находил время для изучения слова Божия и всего, что нужно знать христианину, богослову и пастырю церкви... Он внимательно следил за явлениями духовной письменности, не только русской, но и заграничной [зная основательно новейшие языки, он до последнего времени выписывал из-за границы книги, относящиеся к богословской области, и для приобретения хороших не жалел дорогих цен]⁶². Сердце его сочувственно отзывалось на все, что находил он в читаемых книгах нового или дотоле менее известного ему... Но, может быть, эти занятия покойного прошли бесследно? Нет, — он сам много писал и оставил после себя в рукописях значительное количество переводов с иностранных языков. Некоторые переводы его напечатаны были в тридцатых годах без обозначения, впрочем, имени переводчика, по скромности его. [Им переведены с немецкого многие статьи религиозного содержания для энциклопедического словаря, и география турецкой империи Каннобиха]⁶³»⁶⁴.

Естественно при таких стремлениях и подобных настроениях, что даже многие обращения о. Никифора к сыну студенту и профессору — носили научный характер и соответственным образом затрогивали (sic!) и освящали явления академической жизни. Не менее понятно, что эти запросы встречали равный отклик общего значения. Этому способствовала

нашел и подъял изринутую частицу и на другой день потребил ее с обыденными дарами. Какое духовное геройство и торжество веры над искушением!»

⁶² Этот отрывок текста заключен в [] Н. Н. Глубоковским. — Т. Б., А. К.

⁶³ См.: «Душеполезное чтение» VI (1865 г.), ч. 2, стр. 88–89 и в «Сборнике для любителей духовного чтения» епископа Виссариона, изд. 2-е. СПб. 1897, стр. 478.

⁶⁴ Этот отрывок текста заключен в [] Н. Н. Глубоковским. — Т. Б., А. К.

самая личность второго корреспондента. Коренной москвич, — Василий Никифорович Потапов уже тем самым роднился с Московскою Академией, которая является для Московского духовенства своею не по имени, а именно по ее духовной принадлежности, как подлинная и всегда ценная *Alma Mater*, питомник и источник духовного света для всех. А в качестве сына академического профессора он и еще более связывался с Московскою Академией, где всегда было много присных и знакомых. Первый магистр XXI-го курса (1854–1858 г.г.) он посвятил ей потом 25 лет профессорской службы (1858–1883 г.г.) и после до самой смерти (5 февраля 1890 г.) поддерживал самые близкие сношения⁶⁵, пользуясь большим вниманием по своему научному авторитету⁶⁶. Московская Академия была для Василия Никифоровича истинно родная, и он как будто || не мог говорить о себе, не думая о ней. Наряду с этим, Василий Никифорович был человек богатых природных дарований, выделявших его с юных лет, почему уже на двенадцатом году был принят в Московскую Духовную Семинарию. Его всегда отличал глубокий ум, дававший ему возможность всюду всюду [sic!] схватывать важнейшие явления и проникать в самую их сущность. Поэтому все мелкое и частное получает у него объективную важность в более широкой общей концепции. Не менее замечательна его выдержанная уравновешенность, особенно драгоценная в настоящих случаях. Василий Никифорович всегда констатирует точно и обсуждает спокойно, открывая действительную жизнь в ее подлинном виде. Его письма — это верная хроника академических событий⁶⁷, с пунктуальностью отражающая фактическое положение вещей за целые двенадцать лет истории Московской Академии. А масса всяких подробностей сообщает этой корреспонденции самый разносторонний бытовой интерес, во многом далеко переходящий за академические границы. По всему сказанному рассматриваемые письма представляют весьма ценный исторический материал.

⁶⁵ О В. Н. Потапове см. некролог его, принадлежащий † проф. И. Н. Корсунскому в «Прибавлениях к Творениям св. отцов» 1890 г. (ч. XLVI), кн. III, стр. 142–146.

⁶⁶ Свидетельством сего могут служить и следующие сохранившиеся от этого времени четыре письма ректора Академии прот. С. К. Смирнова († 1889, II, 16), [который спрашивает Василия Никифоровича советов и указаний по поводу перевода разных темных мест у отцов Церкви]. (Текст, помещенный нами в [], в рукописи Н. Н. Глубоковского зачеркнут при редактировании примечаний самим их автором. — Т. Б., А. К.).

⁶⁷ Ср. свидетельство о нем в этом смысле ниже — в первом письме А. Л. Катанского к нему.

Менее значительны по содержанию письма В. Н. Потапову от П. М. Хупотского (за 1865–1869 г.г.), проф. А. Л. Катанского (1868–1870 г.г.), о. П. Л. Лосева (1870 г.), о. И. А. Кратирова (1883 г.) и проф. Д. Ф. Голубинского (1856–1887 г.г.), но они до известной степени продолжают предшествующую хронику, касаются иногда видных академических деятелей и заключают много интересных сведений по самым разнообразным вопросам. Жизнь есть мозаика частных, объединенных и обуславливаемых жизненным началом. || Без последнего — это куча песка, достойная лишь буйного ветра, без первого — пустой мираж, лишенный ценности и даже пагубный, если он не способен воплощаться. Необходима пропорциональная комбинация этих двух элементов. В таком случае для || полного и истинного ее понимания обязательно брать обе стороны, когда по деталям уясняется основной принцип, а из него определяется их соотносительное достоинство. Без частных не бывает реальной жизни и помимо их не может быть достигнуто объективное и проникновенное ее воспроизведение в идейной истории.

Все издаваемые письма взяты из архива В. П. Потапова, перешедшего к его племяннице, вдове профессора Алексея Петровича Лебедева († 1908, VII, 14) Анастасии Васильевне || Лебедевой, потом жене профессора Петроградского Университета Николая Никаноровича Глубоковского, — урожденной Нечаевой, дочери вышеупомянутого прот. В. П. Нечаева, женатого (с 1852 года) на сестре Василия Никифоровича Варваре († 1887, XI, 18).

Пояснительными примечаниями мы частью обязаны усердию библиотекаря Московской Академии Константина Михайловича Попова

Н. Глубоковский

Петроград,
1917, IV, 29 — суббота;
1921 г. — май-июнь.

[№ 16. Л. 1, 1 об., 3 об., 4 об., 11–13 об.]

[Часть] III

Письма А. Л. Катанского
проф. В. Н. Потапову
(1868–1870 г.г.)

Катанский Александр Львович (род. 19 ноября 1836 г.), магистр С.-Петербургской Духовной Академии (1863 г.), с декабря 1863 г. бакалавр Московской Духовной Академии по кафедре церковной словесности и церковной археологии, в 1867 г. перешел в С.-Петербургскую Академию, где в 1877 г. получил степень доктора богословия и звание ординарного профессора по кафедре догматического богословия. Скончался в отставке 1919, II, 27 (III, 12 — среда) не столько от старости, сколько от голодного истощения. См. о нем в «Православной Богословской Энциклопедии», изд. под ред. проф. Н. Н. Глубоковского, т. IX (СПб. 1908), стлб. 153–160, и у проф. прот. П. И. Лепорского, 50-летний юбилей ученой деятельности проф. А. Л. Катанского, СПб. 1913. О его службе в Московской Духовной Академии в его книге: «Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 г.г.)». Выпуск 1-й (годы 1847–1867). Петроград. 1914, стр. 166–222.

1.

Добрейший Василий Никифорович

Хоть Вы и отличный человек, а все-таки приходится Вас побранить немножко. Отчего Вы мне никогда ничего не напишите? Вы мне, конечно, на это ответите: а отчего Вы сами мне доселе не написали? Разумеется и я виноват, но так как я первый нарушаю молчание, то следовательно за мною остается право Вас карать. Вот я Вас и покараю своим письмом. Ну не совестно ли Вам забыть меня; не говорю о других, а с Вами-то мы ведь были что называется закадычными. Если Вы думаете, что я не интересуюсь более Академией и Посадам, то очень ошибаетесь. Я более чем просто интересуюсь ими, я часто вздыхаю по ним, конечно, в минуты сантиментального расположения духа. Кроме шуток я вспоминаю о посаде и особенно об Академии всегда с особенною любовью. Мы очень часто говорим с женою⁶⁸ о посаде. Она еще более, чем я увлекается в этом случае.

⁶⁸ Александр Львович женился на дочери известного парижского протоиерея И. В. Ва-

Да нее посад стоит почти по одной степени с Парижем. Объясняю это (что касается меня) привычкой, которая, говорят, великое дело, и (что касается ее — моей жены, а отчасти и меня) странным свойством человеческого воображения идеализировать все отсутствующее. Вообще-то впрочем для нас обоих лучше в Петербурге, особенно для человека плотского, выражаясь словами Апостола; для духовного человека другое дело — об этом еще пожалуй можно поспорить. Жизнь здесь можно устроить комфортабельнее, удобнее, веселее. Что же касается идеальных стремлений, напр[имер] бескорыстной любви к науке, то пожалуй в посаде полнее и с большим удобством можно удовлетворить этим стремлениям. Итак к посадку можно применить изречение писания, что когда внешний человек глеет, внутренний обновляется по вся дни⁶⁹, а к Петербургу то же изречение, только в || обратном смысле. Но так как мы более υἱκοι или по крайней мере ψυχηκοί ανρώτοι, то вообще я полагаю всякому человеку лучше в Петербурге, чем в посаде. К чести моей нужно впрочем сказать, что плоть не совсем обуяла, подавила мои духовные стремления и потому-то я, как сказано выше, иногда вздыхаю по посаде. Для плотского человека один здесь пакостник плоти — это климат. Извините, добрейший Василий Никифорович, что слог моего письма смахивает несколько на догматическо-школьный; виновата в этом моя настоящая профессия. Тружусь по немногу, не борзяся, на этом новом поприще. Жить разумеется нам потруднее в Петербурге; жизнь дороже. Надеемся на прибавку жалованья, которая непременно будет летом, в Сентябре вероятно. Через несколько дней начнет свои заседания комитет по преобразованию Академий. Назначены уже и члены: Председатель — Нектарий⁷⁰; члены — Богословский⁷¹, мой тесть⁷², Янышев⁷³, Сер-

ильевича [описка Н. Н. Глубоковского. Правильно — И. В. Васильева. — Т. Б., А. К.] — Софии Иосифовне в 1866 г. 18 января и жена его провела полтора года в посаде до половины 1867 г., в каковом году 30 июня состоялось назначение А[лександр]а Львовича в Петербургскую Академию.

⁶⁹ 2 Кор. IV, 16.

⁷⁰ Надеждин, архиепископ Нижегородский, † Харьковским 7 сентября 1874 г.

⁷¹ Михаил Измайлович, главный священник Армии и Флота, † протопресвитером Московского Успенского Собора 15 января 1877 г.

⁷² Протоиерей И. В. Васильев, в то время Председатель Учебного Комитета при Св. Синоде † 27 декабря 1881 г.

⁷³ Иоанн Леонтьевич, протоиерей, в то время ректор СПб. Духовной Академии,

гиевский⁷⁴, Чистович⁷⁵, Ловягин⁷⁶, Андреевский проф. Университета⁷⁷, и Галахов⁷⁸; последние два из светских. Недавно я был у Нектария. Он мне сказал, что сравнение в правах и в жалованье профессоров Академий и проф. Университета, — это такой вопрос, о котором не будет ни малейшего спора, так как с самого начала это принято и Обер-Прокурором и всеми за аксиому; а аксиома, Вы знаете, такая вещь, о которой не рассуждают, след[овательно], и об этом не будет и рассуждений. Итак пусть перестанут сомневаться относительно этого так сказать карманного вопроса Ваши скептики. Вот я Вам сообщил новости, какие мне известны. Долг платежом красен. Сообщите и Вы свои. Я слышал, что Павел Иваныч⁷⁹ женится. Верно ли? и на ком? У Казанского⁸⁰ родилась дочь⁸¹. Может быть есть и другие новости. О всем вышеупомянутом сообщила нам Марья Павловна Полугарская⁸². Так как она крайне недостоверна,

† Протопресвитером и Духовников Их Императорских Величеств 13 июня 1910 г.

⁷⁴ Николай Александрович, директор Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода, † сенатором 16 декабря 1900 г.

⁷⁵ Иларион Алексеевич, проф. СПб. Д[уховной] Академии, † Управляющим Контролем при Св. Синоде 3 ноября 1893 г.

⁷⁶ Евграф Иванович, проф. Спб. Дух. Академии, † 27 марта 1909 г.

⁷⁷ Иван Ефимович, † 20 мая 1891 г.

⁷⁸ Алексей Дмитриевич, известный историк русской литературы, † 14 ноября 1892 г.

⁷⁹ Горский-Платонов, товарищ В. Н. Потапова по курсу, бакалавр Академии по кафедре библейской истории с 1858 г., с 1867 г. э[кстра]-орд[инарный] профессор, с 1870 г. по кафедре библейской археологии и еврейского языка, с 1895 г. в отставке, † 21 октября 1904 г. Женился на дочери московского священника Александре Петровне Соколовой.

⁸⁰ Петра Ивановича, магистра XXIV-го курса (1860–1864 г.г.) Московской Духов[ной] Академии, с июля 1867 г. бакалавра Академии по кафедре педагогики, с 1870 г. доцент по кафедре нрав[ственного] богословия, с 1873 г. э[кстра]-орд[инарный] профессор, с 1892 г. и[справляющий] д[олжность] ординарного профессора по кафедре истории философии, в 1897 г. вышел в отставку, † 6 января 1913 г.

⁸¹ Варвара Петровна, потом учительница [в] Сергиево-Посадской школе.

⁸² Жена Ильи Ивановича Полугарского († 3 февраля 1859 г.), Мария Павловна Полугарская скончалась 11 июня 1874 г.; оба погребены на Смоленском кладбище Троицкой-Сергиевской Лавры, а первый в надгробии называется «Болярин». По сообщению самого А. Л. Катанского от 15 мая 1917 г. на имя Н. Н. Глубоковского, — «М. П. Полугарская — вдова, генеральша, жившая постоянно в С. Посаде, очень говорливая, принимавшая большое участие во всех Академических делах, постоянная посетительница Академических богослужений. При ней была воспитанница, вышедшая по-

то я и не полагаюсь на нее в этом случае. Как поживают все другие || наши сослуживцы. Не поленитесь, напишите обо всем подробно. Нет ли приращения в семействе Сергея Константиныча⁸³? Да пишите скорее, не откладывая в долгий ящик. Были ли экзамены пред рождеством? У нас их не было, репетиций также. Вы уже, конечно, знаете, что Митрополитом назначен Иннокентий Камчатский⁸⁴. Утешился ли Александр Васильевич⁸⁵ после смерти Филарета⁸⁶? Кстати забыл я сказать, что когда был я у Нектария, разговор зашел о вызове в комитет профессоров из других Академий. Он сказал мне на мои представления, что хорошо бы иметь под руками живых истолкователей представляемых Академиями проектов, следующее: «Это конечно так; но 1) их негде поместить; думали было поместить их в Академии, но там не оказалось места; 2) опыт показал, что иногда эти живые истолкователи только мешают делу, как в бывшем Комитете о преобразовании Семинарий отцы Архимандриты».

Поклонитесь от меня всем, особенно же добрейшему и многоуважаемому Александру Васильевичу⁸⁷. Теперь я особенно ценю недостаток в том руководстве, какое я всегда находил себе в нем. Он просто клад для нашего брата, начинающего трудиться на богословском поприще. Где теперь обретается Николай Кирилыч⁸⁸? Известите пожалуйста о всем.

Прощайте добрейший мой Василий Никифорович, и не забывайте меня. Моя жена Вам очень кланяется.

Ваш А. Катанский.

Генваря 13.

1868.

том замуж за (И. А.) Кратирова, впоследствии, по вдовстве, пр[еосвященного] Иоанна, бывшего нашего по Петроградской Духовной Академии Ректора». († 13 февраля 1909 г.).

⁸³ Смирнова, бакалавра по кафедре русской гражданской истории впоследствии протоиерей и Ректор Академии, † в отставке 11 февраля 1889 г.

⁸⁴ Митрополитом Московским — Иннокентий Вениаминов, архиепископ Камчатский, † 31 марта 1879 г.

⁸⁵ Горский, протоиерей, Ректор Академии, † 11 октября 1875 г.

⁸⁶ Дроздова, митрополита Московского, † 19 ноября 1867 г.

⁸⁷ Горскому.

⁸⁸ Соколов, магистр XXI-го курса Московской Духовной Академии (1854–1858 г.г.), товарищ Потапова, бакалавр Академии по кафедре русской церковной истории, с 1863 г. новой церковной истории, в 1867 г. перешел в Московский Университет на кафедру канонического права, † 25 октября 1874 г.

Извините за небрежность писанья. Так много пишу лекций, что эта механика мне надоела до последней степени. Да наконец не в слове и не в каллиграфии, я полагаю, дело. Поклонитесь от меня семейству Василия Петровича⁸⁹. Очень жалею, что не удалось мне побывать у него с женою.

[№ 20. Л. 1 об. – 4]

2.⁹⁰

СПб. Марта 14
1868 года.

Добрейший Василий Никифорович

Большое Вам спасибо за Ваше письмо. Оно меня вполне удовлетворило со стороны новостей, в нем сообщенных. Из него я увидел, что Вы можете быть отличным корреспондентом. Я признаться опасался, что вследствие привычки к философскому обобщению частных явлений и фактов, Вы не можете быть хорошим бытописателем, т. е. хорошим в смысле передавания мелочей обыденной жизни. Но к счастью я в этом случае ошибся. Добрейший Василий Никифорович, не заглушайте Ваших дарований, в Вас живущих. Пишите средка [sic!] мне о всем, о всем, как бы оно ни оказалось ничтожным в сравнении с абсолютным. Мне все драгоценно, что ни касается дорогой для меня Московской Академии.

Долг платежом красен. С своей стороны я обязуюсь поставлять для Вас новости Петербургской или лучше сказать духовно-петербургской жизни. Начинаю. В комитете о преобразовании Академий доселе шли ожесточенные прения и все из за чего бы Вы думали? из-за физики и математики. Некоторое время думали даже, что этот вопрос есть камень преткновения и соблазна, заколдованный круг, в котором и суждено комитету вращаться до конца его существования. Что особенно наводило на мысль о присутствии в этом вопросе какой-то недоброй чарующей силы, — это необъяснимые превращения противников математики и физики в защитников и потом снова ослабление в последних ревности по математике и

⁸⁹ Нечаева, протоиерея церкви Св. Николая Чудотворца в Толмачах в Москве, женатого на сестре Василия Никифоровича — Варваре Никифоровне, в монашестве Виссарион, † еп. Костромским 30 мая 1905 г.

⁹⁰ Об этом именно письме сообщал 20 марта 1868 г. С. К. Смирнов своему зятю К. Н. Богоявленскому: см. «Богословский Вестник» 1914 г., № 10–12, стр. 428.

физике. Сначала большинство, исключая троих членов, яро напали на математику, потом большинство же яро стали защищать ту же математику и физику против меньшинства — троих противников мат[ематики] и физики. Наконец все отступились от математики || и физики не с равною впрочем охотою и решились бросить эти предметы как Иону в море, т. е. в Лету, посредством изгнания их из Академий. И буря утихла, как было и во время Ионы пророка. С грустию должен сообщить это известие Вам для передачи Дмитрию Фед[оровичу]⁹¹ и Николаю Яковлевичу⁹². Из этого известия впрочем не заключайте к сокращению штата наставников. Нет! Напротив количество наставников увеличится четырьмя, а если считать лекторов языков (которые по проэку должны будут быть отдельными наставниками), то 9-ью. Новые кафедры будут: по словесности (вторая), по истории гражд[анской] (вторая), по Гомилетике, по Свящ[енному] Писанию (кажется, хорошо не знаю, или кажется кафедра Основного Богословия, а может быть и другие; что кафедра Основ[ного] Бог[ословия] непременно проэктируется — это я знаю), по языкам: Лат[инскому], Греч[ескому], Немец[кому], Франц[узскому], Английскому и Еврейскому. По философии 3⁹³ как и теперь у Вас в Московской Академии. Одним словом в прошедшем заседании насчитали 27 кафедр, без физики и математики изгнанных. Впрочем еще будет пересмотр предметов. Секретарю полагается жалованья 1000 р. Недурно. Вообще теперь начинают обозначаться основные черты будущего здания... , как говорят члены Комитета. —

Вы интересовались также знать о причинах назначения Иннокентия в Москву. Вполне достоверно то, что это назначение состоялось совершенно без ведома и участия не только Синода (что не было бы несколько странно), но даже и Обер-Прокурора⁹⁴. Назначил сам Государь. Он только и сказал Обер-Прокурору, который спрашивал, кого Его Величеству будет угодно назначить преемником Филарета: «приготовь

⁹¹ Голубинскому, с 1854 г. бакалавр Академии по кафедре геометрии и физики, с 1864 г. ординарный профессор, с 1870 г. сверхштатный преподаватель естественно-научной апологетики, † 23 ноября 1903 г.

⁹² Фортинскому, бакалавру Академии по кафедре математических наук с ноября 1864 г.; в 1870 г. он вышел в отставку и поступил в законоучители 4-й Московской Военной Гимназии; ныне Протоиерей Храма Христа Спасителя в Москве.

⁹³ а) Метафизики и истории древней философии, б) логики и истории Новой философии, в) опытной психологии и нравственной философии.

⁹⁴ Графа Д. А. Толстого, † 25 Апреля 1889 г.

доклад об Иннокентии Иркутском». Вот вся история назначения Иннокентия! Вы наверное сочувствуете статье Аксакова⁹⁵ по случаю отчета Обер-Прокурора. А люди знающие говорят совершенно || другое. Именно что если бы самого Аксакова сделать Обер-Прокурором, то вероятно через месяц бы он же написал другую статью гораздо погорячее первой и совершенно в противоположном тоне. Это слова человека, который коротко знаком был и имел случай слышать откровенные признания всех обер-прокуроров последних 15 или 10 лет. Причина такого суждения понятна для того, кто знает, что такое наш синод, кто потерялся около него. «Несомненно также и то, что если бы Обер-Прокурор не составил отчета (каков бы он ни был), отчет никогда бы не явился, потому что кто же будет в синоде заботиться об этом? Обер-Прокурор для нас пока крайне необходим, ибо мы без него заплесневедем совсем» — слова того же лица.

А что Ваши Творения Отцев, намеревавшиеся выйти в самом скором времени? Вышли ли?⁹⁶ Об этом я спрашиваю, во первых из собственного всем людям любопытства, а во вторых из некоторых корыстных расчетов, ибо у Филарета Александровича⁹⁷ есть мой перевод доселе еще не напечатанный, за который в случае его напечатания я мечтал бы что-нибудь получить, если только это возможно и законно, т. е. подходит под некоторые неписанные конечно статьи Академического кодекса. Наведите справки, пожалуйста, об этих статьях. Жду непременно от Вас письма с подробнейшим описанием новостей Вашей жизни. Прощайте дружище Василий Никифорович. Моя жена Вам кланяется.

Ваш А. Катанский.

Всем моим бывшим сослуживцам передайте мой усердный поклон. Отцу Ректору⁹⁸ — также.

[№ 20. Л. 4 об. – 7]

⁹⁵ Ивана Сергеевича, известного публициста, † 27 января 1886 г. Его статья: «По поводу отчета обер-прокурора Св. Синода за 1866 г.» напечатана была в газете «Москвич», 1-го февраля 1868 г., № 30, перепечатана в 4-м томе Сочинений И. С. Аксакова, Москва, 1886, стр. 72–79.

⁹⁶ Издание академического журнала «Творения Св. Отцев» с прибавлениями, прекратившееся в 1864 г., возобновилось с 1871 г.

⁹⁷ Сергиевского, ординарного профессора по кафедре нравственного и пастырского богословия, с 1874 г. протоиерей, Ректор Вифанской Дух[овной] Семинарии, † протопресвитером Московского Архангельского Собора 7 января 1884 г.

⁹⁸ Протоиерею А. В. Горскому.

3.

13 Февраля
1870.
СПБ.

Добрейший и многоуважаемый
Василий Никифорович

Простите великодушно за долгое мое молчание в ответ на Ваше письмо. Причина этого заключается не в том, что я начинаю забывать людей, с которыми некогда я был так дружен (что быть может Вы и подумали, долго не получая от меня письма) а — в многомятежности Петербурга. Поверьте, что я не так скоро забываю своих друзей. Письмо Ваше я получил при следующих обстоятельствах. В одно прекрасное утро я встаю и думаю, отчего это никто из моих бывших сослуживцев не придет к мысли доселе написать мне, интересно бы знать, как идут там дела, хоть бы, думаю, Василий Никифорович писнул мне, благо мы сначала с ним переписывались. С этой мыслью иду на лекции и — на кафедре нахожу Ваше письмо. Из этого факта я вывожу два заключения. Одно, — в свою защиту, — что я не окончательно осуетился помышления[ми] своими и не забыл прежних своих друзей. Другое — психологического свойства — что для души человеческой пространство ничего не значит. Главным же образом я настаиваю на первом выводе и прошу усерднейше продолжать со мною переписку, надеясь, что приведенный мною факт подействовал на Вас убедительным образом. Только когда Вы будете писать, пишите мне по след[ующему] адресу: *На углу 4-й улицы Песков, против Греческой церкви дом Владыкина кварт. № 5*. Хорошо бы Вы также сделали, если бы вздумали когда нибудь приехать в Петербург. Приезжайте-ка на Пасхе. Право бы не дурно провели время.

Вы спрашиваете, какое произвели впечатление статьи, напечатанные в разных Московских изданиях⁹⁹ и относительно перевода Вашей

⁹⁹ Статьи: Д. Ф. Касицына, Должна ли оставаться Московская Духовная Академия и на будущее время в Сергиевском Посаде («Современная Летопись» 1869 г., № 37); Его же «К вопросу о перемещении М[осковско]й Д[уховно]й Академии в Москву (ibid. № 40); неизвестного автора «К вопросу о перемещении М[осковской] Д[уховной] Акад[емии] (ibid. № 47). П. С. Казанского, О переводе Московской Духовной Академии из Сергиевой Лавры в Москву («Московские Епарх[иальные] Ведомости» 1869 г., № 46, стр. 10–12); неизвестного автора, Отзыв на статью Современной Летописи («Пра-

Академии в Москву, — на здешних властей? Никакого. || Они вероятно и не читали. Вообще отложите на этот счет всякое попечение. В комитете по преобразованию Академий поднят был этот вопрос; но 1) нашли, что потребуются на этот предмет много денег, 2) Ал. Вас. Горский сказал, что и в Посаде Академии очень хорошо, даже еще лучше, чем в Москве. Пропущено было самое удобное время, чтобы что нибудь сделать для Вашей Академии в отношении к вопросу о ее перемещении. Теперь же нужно, чтобы случилось что нибудь чрезвычайное; тогда только может здесь возникнуть вопрос о переведении Вашей Академии в Москву. Если бы Вы напр[имер] от лица всей Академии подали Высшему Начальству петицию такого рода, но и это невозможно, потому что, сколько мне известно, в Вашей Акад[емической] корпорации нет единодушия на этот счет. А журнальными статьями Вы ничего не сделаете. Попробовали бы Вы еще написать Ненорокомову¹⁰⁰, человеку близкому к Обер-Прокурору. Не выйдет ли что-нибудь из этого? Ненорокомов хорошо знает положение Вашей Академии. Поднять этого дела кроме Вас самих никто не может. Если бы было поднято это дело, тогда бы и другие люди близкие к Обер-Прокурору (напр. И. В. В.¹⁰¹) поддержали Вас.

Спасибо Вам за письмо и за те известия, которые в нем содержатся. Зачем Вы написали такой странный адрес Киев[ской] Акад[емии]¹⁰²? Разумею, конечно, не Вас лично, а составителей адреса. Вы, без сомнения, не участвовали в его составлении.

Дела в нашей Академии идут как по маслу... Преобразование принялось дов[ольно] хорошо. Из затруднений, представляемых уставом, выходим с большим трудом, но все-таки кое как выходим. Особенно много встречалось затруднений этого рода, когда нужно было составлять правила для производства испытаний на ученые степени. Проект

вославное Обозрение» 1869 г., т. II, № 10, стр. 485–494), и В. Н. Потапова «По вопросу о переводе Моск[овской] Дух[овной] Академии в Москву («Прав[ославное] обозрение» 1869 г. т. II, № 12, стр. 453–469).

¹⁰⁰ Ивану Александровичу, магистру Московской Духовной Академии XX-го курса (1852–1856 г. г.), тогда Директору Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода, † 14 декабря 1889 г.

¹⁰¹ Протоиерей И. В. Васильев: см. о нем выше на стр. [88, прим. 72. — Т. Б., А. К.].

¹⁰² По случаю ее 50-летия. Напечатан в приложении к декабрьской книге (том 4-й) журнала «Труды Киевской Духовной Академии» и в книге: Пятидесятилетний юбилей Киевской Духовной Академии, 28 сентября 1869 года, Киев 1869, стр. 227–230.

правил вчера подписан Советом и скоро будет представлен в Синод на утверждение. [В настоящее время представлены на || степень Доктора и прошли через Совет (вышли из отделений с рефератом) два сочинения: Чельцова (о символах)¹⁰³ и Нильского (браки в раск[оле])¹⁰⁴. По утверждении С.¹⁰⁵ правил, будут диспуты]¹⁰⁶. Заседания Советские иногда бывали довольно бурного свойства, но теперь дело идет плавнее. Я вступил в совет в качестве Экстр[ординарного] Проф[ессора] в Декабре 1869 г. и еще застал довольно сильную перепалку. У нас сильно своим единством и влиянием историческое отделение. Оно состоит пока из 5 человек и все они члены Совета. Притом же трое из членов его с сильным характером или довольно широким горлом (Чельцов, Коялович¹⁰⁷, Предтеченский¹⁰⁸). Т[аким] обр[азом] заявляет себя несколько обособление интересов отделений. Конечно тут же имеют место и личности. Наше отделение имеет впрочем одного очень влиятельного члена — Чистовича. Разумею Богословское отделение. Практическое отделение у нас слабее всех по своим представителям или лучше сказать по влиятельности своих представителей. Другое дело, если смотреть на количество представителей. По количеству представителей практическое отделение сильнее Богословского. От исторического отделения 5 человек в Совете (общем конечно), от практического 4, от Богословского 3, если не считать Ректора, для которого все отделения по самому его положению равны. — Что касается общеобразовательных предметов, то преподаватели их жалуются, что их положение хуже, чем преподавателей специальных предметов. Студенты к общеобязат[ельным] предметам относятся как диллетанты, думая, что ими не так можно серьезно заниматься, как специальными. Того и нужно было ожидать. — Нелепость приурочения общеобяз[ательных] предме-

¹⁰³ Ивана Васильевича, † 5 марта 1878 г. Его диссертация с таким заглавием: Древние формы символа веры православной церкви, или так наз[ываемые] апостольские символы. СПб., 1869, и приложение: Собрание символов и вероизложений православной церкви от времен апостольских до наших дней, часть I: Символы и вероизложения до-никийского периода, СПб., 1869.

¹⁰⁴ Ивана Феодоровича, † 11 августа 1894 г. Его диссертация с таким заглавием: Семейная жизнь в русском расколе, части 1–2, СПб. 1869.

¹⁰⁵ Синодом.

¹⁰⁶ Этот отрывок текста заключен в [] Н. Н. Глубоковским. — Т. Б., А. К.

¹⁰⁷ Михаил Осипович, † 23 августа 1891 г.

¹⁰⁸ Андрей Иванович, † 6 мая 1893 г.

тов ко всем отделениям, а их преподавателей к одному Богослов[скому] отделению также вполне и много раз уже обнаружилась. Историческое отделение выходит из себя от одной мысли, что наше Богосл[овское] отделение самое многочисленное по своему составу (в || наст[оящее] время состоящее из 9 чел[овек], в полном же комплекте имеющее состоять из 10) будет чрез наставников общеоб[язательных] предметов постоянно вторгаться во все действия истор[ического] отделения и мешать им. Нужно ли напр[имер] произвести экзамены или дано будет сочинение по общеоб[язательному] предмету какому либо для студ[ентов] историч[еского] отделения, — являются члены богосл[овского] отделения со своими отметками и суждениями, которые иногда могут идти в разрез со всеми расчетами и планами отделения.

Академия с преобразованием очень оживилась. Приходишь в Академию напр. на лекцию и находишь всегда довольно много из братии, человек 5, 4. В читальной комнате устраивается маленькое заседание, толки, рассуждения. За то и трудов поболее. У меня напр[имер] 3 лекции. Каждую неделю заседание в Совете, а иногда хоть раз в месяц и в Отделении. Хорошо то, что при новых порядках ничто более не чуждо из того, что делается в Академии. Что считаешь нужным сделать, можно сейчас же заявить в Совете. Выходит совсем другая статья. Прошло то время, когда никому не было дела до того, что делается и как делается в Академии и слава Богу, что прошло. Жалованье тоже вещь не маловажная. Сверх того, к нашему счастью, журнал наш приносит очень много сотрудникам. Представьте за печатный лист к концу прошлого года мы получили по 92 р. — гонорарий даже безобразный. Так что двое из Наставников получили, один 1300 р., другой 1200, три по 700 слишком, в том числе и я. В нынешней Генв[арской] книжке напечатаны протоколы первых заседаний Совета нашей Академии.

Всем бывшим моим сослуживцам мой усерднейший поклон и почтение. Пишите же.

Ваш А. Катанский.

[№ 20. Л. 7 об. – 10 об.]

4.

Добрейший Василий Никифорович

Давно я собирался писать Вам. Еще на страстной неделе я имел к тому покушение, да зная, что Пасху Вы проводите всегда в Москве, заблагодаря разсудил отложить писание Вам письма до более удобного времени. Теперь при верной okazji в лице Дмитрия Федорыча¹⁰⁹ привожу свое желание в исполнение.

Получив от Вас письмо, в котором Вы спрашиваете, имеет ли какое движение дело о перемещении Академии Вашей в Москву и ответив Вам, что никакого движения по этому делу нет (в то время это было действительно так, не знаю, получили ли Вы мое письмо?) я однако ж горячо принял к сердцу интересующее Вас дело, которому как нельзя более всегда сочувствовал, ибо на своей коже вынес все невыгоды настоящего положения Академии и начал агитировать доступными мне средствами в пользу известной мысли, т. е. убеждать И. Васильевича¹¹⁰ поднять этот вопрос в разговоре с Обер-Прокурором¹¹¹. Теперь я сообщу Вам и результаты разговора И. В. с Толстым. Толстой не хочет приступить тотчас же к вопросу о перемещении Академии в Москву, опасаясь протеста со стороны Митрополитов, но что он намерен рано или поздно взяться за это дело — это верно. А самое главное и самое приятное, это то, что Лавров¹¹² директор Хоз[яйственного] Управления при Св. Синоде, от которого более, чем Вы думаете может быть, зависит благоприятное решение этого вопроса, в разговоре с И. В. сказал, что он найдет средства на покупку *дома* в Москве; забыл какого именно; Лавров указал и на определенный дом. Лавров в этих случаях лицо чрезвычайно важное. Откажись он дать || денег, согласие даже Обер-Прокурора ничего бы не значило. Скажет, что нет денег и — конец; ничего не поделаешь. Подите учитывайте его. Обыкновенно Обер-Прокурор во всех денежных делах его спрашивается, относится к нему весьма доверчиво и считает его приговор в финансовых делах решительным. Не согласиться этому человеку на какую либо затрату, хотя бы по-видимому и очень необходимую,

¹⁰⁹ Голубинского: см. о нем выше на стр. [92, прим. 91. — Т. Б., А. К.].

¹¹⁰ Васильева; см. о нем выше на стр. [88, прим. 72. — Т. Б., А. К.].

¹¹¹ Гр. Д. А. Толстым.

¹¹² Василий Алексеевич, † 27 января 1875 г.

очень легко; он может наказать Вас с три короба других нужд — еще менее терпящих отлагательств и т. д., а наконец просто скажет, что денег нет. И так Ваше дело понемногу выгорает. Теперь Вам бы следовало уничтожить единственное препятствие, если только оно действительно существует, а не есть препятствие воображаемое. Действительно ли Вы убеждены, что Ваш Митрополит¹¹³ будет против переведения Академии в Москву? Д. Ф.¹¹⁴ говорит, что Вам неизвестно мнение Митрополита по этому предмету. А что если он не против этого перемещения? Если бы Вы могли заручиться его согласием, тогда дело было бы, что называется, в шляпе. М.¹¹⁵ защищал бы эту мысль в Синоде, где без сомнения нашлись бы и другие защитники того же взгляда. Если дело передано бы было в Учебный Комитет, Комитет без всякого сомнения поддержал бы Ваш проект.

Я очень рад, что Дмитрий Федорович посетил меня. Отлично сделал. Не то я должен сказать об Евгении Евсигнеевиче¹¹⁶, который кажется два раза был в Петербурге и ни разу не был у меня. Я хотел писать ему за это ругательное письмо. Что за чудак? Как ему не совестно. Скажите ему, что я положительно сердит на него. Судьба кажется хотела примирить меня с ним. Несмотря на то, что он видимо не хочет меня знать, она (т. е. судьба) в лице Срезневского¹¹⁷ в одном из заседаний филологического || общества при здешнем Университете соединила наши имена и предложила нас к избранию в члены, каковое избрание и состоялось. Знает ли он об этом? И так мы сочлены. Вместо примирения на меня это сочленство произвело совсем другое действие. Хороши думаю сочлены. Словом я порядочно побранил его. В предупреждение подобных преступлений прошу Вас передать всем моим бывшим сослуживцам, что сочту за личную себе обиду, если кто в бытность свою в Петербурге не навестит меня. Я слышал от Дмитрия Федоровича, что собирается в Петербург Александр Федорович¹¹⁸, передайте и ему то же. Жаль только, что пожалуй мы будем

¹¹³ Иннокентий: см. выше на стр. [90, прим. 84. — Т. Б., А. К.].

¹¹⁴ Д. Ф. Голубинский.

¹¹⁵ Т. е. Митрополит (=Иннокентий).

¹¹⁶ Голубинским, профессор Моск[овской] Д[уховной] Академии, † 7 января 1912 г.

¹¹⁷ Измаила Ивановича, профессора С-Петербургского Университета † 9 февраля 1880 г. академиком.

¹¹⁸ Лавров-Платонов, профессор Моск[овской] Дух[овной] Академии, в монашестве (с

Т. А. Богданова

тогда на даче. Впрочем я буду в Петербурге довольно часто. Однажды не застанет, застанет в другой раз. Время моего приезда будет известно кухарке. Адрес мой: против Греческой церкви на углу 4-й улицы Песков дом Владыкина кварт[ира] № 5. Это в нескольких саженях от станции железной дороги Николаевской-Московской. Дмитрий Федорыч долгое время жил, не зная, что живет почти рядом с моею квартирою.

Передайте усердный мой поклон всем моим бывшим сослуживцам и почтеннейшему Василию Петровичу¹¹⁹ и Варваре Никифоровне¹²⁰.

Преданный Вам бывший Ваш сослуживец и collega А. Катанский.

22 Апр.

1870 г.

[№ 20. Л. 11 об. – 14]

Источники и литература

1. *Андреев И. Д.* Письма Н. Н. Глубоковскому (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 306).
2. *Антоний [Храповицкий], митр.* Четыре академии. Белград, 1933.
3. *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский и его воспоминания о Московской духовной академии «За тридцать лет» // Исторические записки / отв. ред. академик Б. В. Ананьич. М., 2006. Вып. 9 (127). С. 383–418.
4. *Виссарион (Нечаев), еп.* Сборник для любителей духовного чтения. СПб., ²1897.
5. *Глубоковский Н. Н.* К вопросу о нуждах духовно-академического образования // Странник. 1897. № 8. С. 519–540.
6. *Глубоковский Н. Н.* Начало организованной духовной школы (Комитет по усовершенствованию духовных училищ) // Богословский вестник. 1917. № 6–7. С. 75–92.
7. *Глубоковский Н. Н.* Об организации школьного пастырского приготовления и об устройстве «богословско-пастырских училищ» // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 12, 22 марта. С. 557–579.
8. *Глубоковский Н. Н.* Письма Е. Е. Голубинскому (НИОР РГБ. Ф. 541. Карт. 7. Ед. хр. 62).
9. *Глубоковский Н. Н.* Письма Е. Е. Голубинскому (РГИА. Ф. 1628. Оп. 1. № 490).
10. *Глубоковский Н. Н.* По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907.
11. *Глубоковский Н. Н.* По вопросу о реформе Учебного комитета при Св. Синоде // Странник. 1909. № 5. С. 737–760.

1877 г.) Алексей, † архиепископом Литовским 9 ноября 1890 г.

¹¹⁹ Нечаеву; см. о нем выше на стр. [91, прим. 89. — Т. Б., А. К.].

¹²⁰ Супруге В. П. Нечаева, сестре В. Н. Потапова; скончалась 18 ноября 1887 года.

«У Троицы в Академии...»: Н. Н. Глубоковский — историк...

12. *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет (1884–1914 гг.) // У Троицы в Академии. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 737–755.
13. *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет (1884–1914 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 205–218.
14. *Глубоковский Н. Н.* Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева (под первым впечатлением тяжелой утраты) // Странник. 1908. № 9. С. 275–305 (отд. отт.: СПб., 1908).
15. *Глубоковский Н. Н.* Православный богословский институт в Париже и его международное значение // Церковный вестник Западно-европейских епархий. Париж, 1929. № 2. С. 21–23.
16. *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002.
17. *Голубинский Е. Е.* Письма Н. Н. Глубоковскому (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 414).
18. *Добротворцев Б.* У троицы в Академии. М., 1914 [Рецензия] // Богословский библиографический листок. 1914. Вып. 10–11.
19. К вопросу о перемещении Московской духовной академии // Современная летопись. 1869. № 47. С. 1–2.
20. *К[орсунский] И. [Н.]* Профессор В. Н. Потапов: (некролог) // Прибавления к Творениям святых отцов. 1890. Ч. 46. Кн. 3. С. 142–176.
21. *К[орсунский] И. [Н.]* Профессор В. Н. Потапов. (Некролог). [М., 1890].
22. *Казанский П. С.* О переводе Московской духовной академии из Сергиевой лавры в Москву // Московские епархиальные ведомости. 1869. № 46. С. 10–12.
23. *Касицын Д. Ф.* Должна ли оставаться Московская духовная академия и на будущее время в Сергиевском Посаде // Современная летопись. 1869 г. № 37. С. 7–11.
24. *Касицын Д. Ф.* К вопросу о перемещении Московской духовной академии в Москву // Современная летопись. 1869 г. № 40. С. 1–3.
25. *Катанский А. Л.* Письма Н. Н. Глубоковскому (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 517).
26. *Катанский А. Л.* Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Вып. 1. Пг., 1914; Вып. 2. Пг., 1918.
27. *Катанский А. Л.* Очерк истории древних национальных литургий запада // Христианское чтение. 1869. № 1. С. 17–69; № 2. С. 202–221; № 4. С. 562–614; 1870. № 1. С. 83–124; № 2. С. 224–256.
28. *Катанский А. Л.* Очерк истории литургии нашей православной церкви // Христианское чтение. 1868. № 9. С. 345–381; № 10. С. 525–576.
29. *Колосов Н. А., свящ.* Профессор Московской духовной академии И. Н. Корсунский // Душеполезное чтение. 1900. Февраль.
30. *Корсунский И. Н.* Преосвященный Виссарион, епископ Костромской (по поводу его 50-летнего юбилея, 5 ноября и с приложением его портрета) // Душеполезное чтение. 1898. № 10. С. 212–235.

31. *Лебедев А. П.* Письма Н. Н. Глубоковскому за 1892–1908 гг. (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 568, 569).
32. *Лебедев А. П.* Два пионера церковно-исторической науки у нас и немногие сведения о жребиях их преемников // *Богословский вестник.* 1907. № 5. С. 101–167.
33. *Московская духовная академия в 1854–1870, 1883 и 1886–1887 годах по переписке проф. В. Н. Потапова († 1890, II, 5) (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Д. 16 (предисловие Н. Н. Глубоковского), Д. 20 (письма А. Л. Катанского)).*
34. *Муретов М. Д.* Письма Н. Н. Глубоковскому (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 630).
35. *Никольский П.* «Ценз апостольский» // *Церковный вестник.* 1914. № 20, 15 мая.
36. *Нильский И. Ф.* Семейная жизнь в русском расколе. Ч. 1–2. СПб., 1869.
37. *П. Р.* К вопросу о перемещении Московской духовной академии из Сергиевой лавры в Москву // *Московские церковные ведомости.* 1893. № 9, 28 апреля. С. 129–130.
38. *Потапов В. Н.* По вопросу о переводе Московской духовной академии в Москву // *Православное обозрение.* 1869. Т. II. № 12. С. 453–469.
39. Прибавления к «Церковным ведомостям». 1914. № 39, 27 сентября. С. 1696.
40. Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии (28 сентября 1869 года). Киев, 1869.
41. «Род ученых» не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н. Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг. (*вступ. ст., публ. и примеч. Т. А. Богдановой и А. К. Клементьева*) // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии.* № 3 (11). 2015. С. 100–199.
42. *Смирнов С. К., прот.* Письма к разным лицам и от разных лиц / сообщил П. Н. Каптерев // *Богословский вестник.* 1914. Т. 3. № 10/11. С. 424–472.
43. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996.
44. *Тычинин В. Н.* Земной поклон. 1814–1914 // *Полоцкие епархиальные ведомости.* 1914. № 39, 30 сентября.
45. *Чельцов И. В.* Древние формы символа веры православной церкви, или так называемые апостольские символы. СПб., 1869.
46. *Чельцов И. В.* Собрание символов и вероизложений Православной Церкви от времен апостольских до наших дней. Ч. I: Символы и вероизложения доникейского периода. СПб., 1869.